О.В. Немиринский [1] **:**

«Волшебная палочка» Алексейчика, или что случилось с Марком Розиным?»

Сразу же признаюсь, что моя оценка статьи М.В. Розина «Терапия «Алексейчиком» (заметки наблюдателя)» сводится в общих чертах к следующему:

1. Эта статья при своем буквальном прочтении не имеет эвристической ценности, так как она вообще написана не с профессиональных позиций и ее опубликование, видимо, связано лишь с огромным интересом к творчеству Александра Ефимовича Алексейчика.

2. Статься М.В. Розина имеет эвристическую ценность, но в другом качестве – как ценный материал для анализа психотерапевтической работы А.Е. Алексейчика.

Так как второе утверждение связано с первым, то обратимся к тексту упомянутой статьи. В самом начале М.В. Розин пишет: «В декабре 1991 года я оказался участником группы Алексейчика». И в последнем абзаце статьи: «Многие участники группы остаются заинтересованными (или скучающими) наблюдателями. Попадают же в сферу влияния Алексейчика лишь люди с невротическим (прежде всего истероидным) складом личности. В связи с этим (в связи с последним тезисом? – О.Н.) читателю стоит иметь в виду, что эти заметки написаны наблюдателем. Несомненно, что они принципиально отличаются от того, что сказал бы о группе подлинный участник».

Итак, мы имеем две посылки: «я – не невротик» и «я принял позицию наблюдателя», и вытекающее из них следствие: «мою статью нельзя рассматривать как отреагирование моего опыта участия в группе». Что ж, беспокойство автора о том, как выглядит его позиция, вполне обоснованно.

Хочу внести некоторые уточнения. Так как я был не только членом группы, но и одним из организаторов приезда А.Е. Алексейчика в Москву, то хорошо помню, что предлагались

на выбор две формы участия – член группы и наблюдатель за кругом. М.В. Розин настаивал на том, чтобы быть членом группы. Независимо от того, хотел ли он с самого начала «сидеть на двух стульях» или же принял позицию «наблюдателя» в ходе работы, любому человеку, имеющему хоть некоторый опыт в групповой психотерапии, понятно, какие следствия как для группы, так и для самого участника имеет подобное выскальзывание в позицию «наблюдателя». Участник-наблюдатель это нонсенс, а точнее, случай обыденного саморасщепления. Член группы должен принять на себя ответственность за свое место в группе. Если он этого не хочет, то остается встать и во внешнем плане занять тот стул за кругом, на котором он сидит внутренне. Эквилибристика сидения на двух стульях приводит к непониманию того, что происходит в группе, и даже к объявлению групповой жизни воплощением бреда ведущего и широкой популяризации этого «прозрения».

Попутно хочется выразить недоумение по адресу главных редакторов журнала, симпатичных, тонких и интеллигентных людей и прекрасных психотерапевтов. В редакционном послесловии сказано, что данная публикация является провокацией продуктивной дискуссии по психотерапевтическом творчестве А.Е. Алексейчика. Я вполне допускаю, что интересы журнала могли временно возобладать над самосознанием психотерапевта, но, на мой взгляд, те же интересы журнала (кстати, высокопрофессионального издания, за что редакторам большое спасибо) не должны позволить себе забывать, что есть *отчет участника* группы, базирующихся на собственных переживаниях, и есть *критический анализ* работы, на что, впрочем, М.В. Розин, видимо, не претендует. «Заметки наблюдателя» в случае с Розиным – это, извините, скверный анекдот, а потому, если этот анекдот и достоин публикации, то разве что в рубрике «Светские разговоры психологов за чашкой чая (стопкой водки)».

Но в конце концов, и из ложных посылок могут вытекать истинные следствия. Может быть, статься Розина действительно содержит важные и интересные прозрения?

Позволю себе процитировать основную идею статьи. М.В. Розин пишет:

«В чем основной эффект алексейчиковской группы? Мне представляется, что этот эффект может быть обозначен как *лечение невроза путем шизофренической инъекции* … Суть невроза – в зацикленности на некоторых идеях, образах (сгустках личностного смысла), которые определяют умонастроение и поведение человека. Эти сгустки, как

правило, выражены в нескольких значимых для человека словах, например «меня не любят, я никому не нужен» или «все, за что я ни берусь, разваливается». Что же делает Алексейчик? Он проводит клиента через многочисленные круги своего гениального бреда, которые меняют картину мира и самоощущения человека (стр. 162)».

Трудно полемизировать с тезисом о шизофренической инъекции, так как он аргументируется Розиным с помощью его собственного непонимания (например: «Каждую отдельную фразу можно понять, но невозможно пересказать смысл всей проповеди…» - с. 163). Что же касается его представлений о «сути невроза», то они, честно говоря, вызывают удивление. «Зацикленность на некоторых идеях», как известно клиницистам, характеризует, в первую очередь, не невроз как таковой, а паранойяльные тенденции. Если же автор имеет в виду сценарийный анализ с выделением жизненных лозунгов и инъекций, то внимательное прочтение работ Э. Берна показывает, что сценарии, как и игры, представляют собой не базовую тенденцию невроза, а *способ* ухода от подлинного контакта с миром (в терминах Э. Берна, способ избегания интимных отношений с людьми). Да и психоаналитики считают, что когда мы работаем с этими сгустками «смысла», то мы имеем дело не с проблемами, а с решениями. Разница между невротическим и здоровым стилем жизни заключается в способности к самостоятельному выбору, а посему невроз есть неспособность к выходу из внутреннего конфликта, не-осуществление выбора, неприятие своей ответственности за выбор и продолжение существования в условиях не-выбора (говоря образным языком, «сидение на двух стульях»).

Я вряд ли взялся бы за эту работу лишь для того, чтобы показать, что статья М.В. Розина есть от начала до конца результат искаженного восприятия. Дело в том, что реакция Розина являет собой ценный ключ к пониманию того, что происходит в группах А.Е. Алексейчика.

Впечатления о работе А.Е. Алексейчика среди московских психологов действительно самые разные и зачастую противоположные. От восхищения до возмущения. Любопытно, что при упоминании его имени значительно учащается и интонационно выделяется употребление слова «я». Рискующие (в отличие от М.В. Розина) говорить о своем собственном опыте обнаруживают в себе целую гамму чувств самых разных оттенков. Маловероятно, чтобы этот эффект достигался манипуляциями. Последние приводят, наоборот, к ухудшению контакта со своими чувствами. Очевидно, что А.Е. Алексейчик задевает за что-то живое, что-то очень болезненное, грозящее эмоциональным разрывом (которого многие люди склонны бояться), часто дающее ощущение подлинности, эмоциональной наполненности и благодати, не всегда понятное «наблюдателям». За счет чего же достигается этот эффект?

На мой взгляд, для ответа на этот вопрос не стоит изобретать «оригинальные» гипотезы в духе доставания левой ногой правого уха. Можно ведь для начала обратиться к тому, что говорит сам А.Е. Алексейчик, а именно к его понятию *материализации* внутреннего мира клиента в пространстве жизни группы.

Каждый участник входит в группу не только с сознательными мотивами участия, но и со всеми потаенными надеждами и страхами, в которых он не всегда решается признаться и самому себе. В ходе групповых взаимодействий содержание этого внутреннего «я» всплывает на поверхность. Особенность же стиля А.Е. Алексейчика состоит в том, что он дает клиенту эмоционально-заряженный ответ на содержание его потаенного мира. При этом, по моим наблюдениям, А.Е. Алексейчик реагирует более всего на напряжение между проявляемыми и подавляемыми тенденциями. Отсюда и получается, что часто терапевт демонстрирует клиенту альтернативный вариант поведения, так сказать, теневую сторону души клиента. Так, очень милый, мягкий молодой человек, проявляющий отстраненно-«сладкую» форму агрессивности, может получить в свой адрес резко и прямо агрессивный ответ с эпитетом «недоносок». Робкий человек получить от терапевта мужскую солидарность и уверенность. Причем это не «трюк» Алексейчика, а естественная реакция на подавленные, невостребованные черты клиента. Эффект от этой терапии действительно впечатляет. Одни люди видят в группе (и конечно же, в ведущем) проекцию своих страхов, другие – осуществление заветных желаний. Впрочем, вторые также вначале проходят через страхи и другие неприятные переживания. Такова уж, как известно, логика групповой динамики. Основной вопрос здесь не в том, что клиент принес с собой (в себе) в группу, а в степени его готовности к принятию ответственности, к узнаванию и принятию отчужденных, спроецированных частей своей личности.

При всей огромной, чуть не полярной разнице во внешних проявлениях, которая существует между недирективной психотерапией К. Роджерса и довольно жестким методом А.Е. Алексейчика, они обнаруживают весьма важное сходство. И тот и другой блестяще водружают перед клиентом *зеркало* его внутреннего мира. Но К. Роджерс отражает клиенту лишь то, что тот в данный момент наверняка готов проявить, идя по его словам «на полшага позади клиента». А.Е. Алексейчик же порой позволяет себе реагировать на то, что еще не высказано, на то, что подступает к горлу, или клокочет в груди, или оседает в животе. Здесь возникает справедливый вопрос: а не опасно ли?

Ну, во-первых, конечно, опасно. Как в жизни. Может быть, впрочем, менее опасно, чем кормление иллюзией безопасности. Во-вторых, наверное, имеет смысл говорить о противопоказаниях. Мне кажется, что качественно они такие же, как те, о которых

говорил К. Роджерс – неготовность к принятию ответственности. Количественно они, видимо, различаются. Скорее всего, существует некий диапазон, при котором уже можно в роджерианскую группу, но стоит еще повременить с Алексейчиком. Если же выражаться на клиническом языке, то надо говорить о тех проявлениях, которые связаны с чрезвычайной склонностью к проекции. Тогда возможным противопоказанием является развитость пранойяльных тенденций. Ибо «размывание» (термин Розина) паранойяльной фиксации действительно таит в себе потенциальную опасность шизофренического распада. Проблематичной также представляется эффективность для выраженно-истероидных личностей. Возможно, А.Е. Алексейчик со мной не согласится, но мне кажется, что сочетание этих двух тенденций вряд ли совместимо с участием в подобных группах.

Возвращаясь к упомянутой статье, хочу заметить, что содержание реакции Розина свидетельствует о силе воздействия этой системы зеркал, которая возникает в группах А. Е. Алексейчика. Массивная материализация отчужденных частей «я» в пространстве групповой жизни требует персонификации. Если участник не решается опознать себя в зеркале групповой атмосферы, то он почти вынужден «опознать» в этом зеркале кого-то другого (ведущего, других членов группы). (Отсюда может быть понятна метафористичность А.Е. Алексейчика, которая составляет большой простор для проективных толкований «изображения». Потому как, повторюсь, прямая атака на проекцию может в некоторых случаях спровоцировать психотический приступ). Тем, что материализация отчужденных частей «я» зовет, побуждает к их персонификации (ну просто-таки не дает покоя!), пожалуй, только и можно объяснить то, что явно неглупый человек написал подобные «заметки наблюдателя» и отнес их в редакцию, поставив свое имя под заведомый удар. Аргументы для такого предположения можно найти в самой статье М.В. Розина. И в раскрытии сути невроза как «зацикленности на некоторых идеях» и т.п., и в опасении того, что разрушение невроза являет собой «шизофреническую инъекцию», и в объявлении большей части членов группы «людьми с невротическим (прежде всего истероидным складом личности)». Гештальттерапевты иногда говорят клиентам: «А теперь попробуйте все, что вы говорили о нем, сказать о себе». Попробуйте перечитать статью М.В. Розина. Только не надо думать, что я «ставлю диагноз». Я ведь говорю о страхах, о неприятии в себе тех дезинтегративных тенденций, которые есть в каждом человеке. Вопрос в том, признавать их в себе, либо поднимать перст по адресу другого человека.

Очень интересен вопрос о внутренней работе А.Е. Алексейчика по реализации его внутренней стратегии. Лучше всего, если бы на него ответил сам Александр Ефимович. Но, зная его прохладное отношение к публикациям, я рискну высказать весьма простую гипотезу. Та «волшебная палочка», с помощью которой А.Е. Алексейчик стимулирует материализацию в групповом пространстве внутреннего мира участников группы, состоит из беспощадной внутренней честности психотерапевта, его внимательности к своим чувствам, интуиции эмоциональной атмосферы в группе и, самое главное,

глубины, масштабности и эмоциональной насыщенности его личностной реакции на происходящее в душе другого человека. Эта «волшебная палочка» лежит на поверхности. Но жжется. Не всякий возьмет. Потому, перефразируя Бабеля, можно сказать, что Алексейчик ее берет, потому он и Алексейчик, а у многих «умных московских психологов» - «на носу очки, а в душе осень».

Так что, если при столкновении с «Алексейчиком» своего отвергаемого внутреннего мира очередной профессионал в страхе возопит «Фашисты идут!» или же, что более изысканно «Это бред, ничего не понятно, и в этом суть», то со склонностью к проекции, как говорится, надо бы еще поработать. Что же – работа у нас непростая, и не такое случается.

Июнь 1993 г.

---

[1] Олег Владимирович Немиринский – психолог-психотерапевт, Москва.